

В.Н. Дядичев

«Письмо Татьяне Яковлевой»

«Письмо Татьяне Яковлевой» справедливо рассматривается как вторая составная часть поэтической диалогии «Писем» из Парижа о любви (первая часть — «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви»). Сохранившиеся черновики показывают, что на ранней стадии эти «Письма» создавались Маяковским как одно единое произведение. Это единство сохранилось и в стихотворном размере — как и «Письмо товарищу Кострову...», «Письмо Татьяне Яковлевой» написано в основном «легким, игровым» хореем, хотя шутовности, иронии, самоиронии в этом послании почти нет. В заглавии «Письма Татьяне...» важнейшим для автора является имя (а не фамилия!) адресата и возникновение у читателя ассоциаций с «Татьяны милым идеалом» Пушкина («Евгений Онегин»). С пушкинскими строчками «...чтоб продлилась жизнь моя, // Я утром должен быть уверен, // Что с вами днем увижусь я», под обаянием которых, перечитывая «Онегина», Маяковский, по его признанию, мог находиться по несколько дней. Важно и то, что стихотворение озаглавлено «Письмо...». Тем самым создается некоторая пространственная и временная дистанция между лирическим героем произведения и его адресатом. И события, переживания, описываемые в «Письме», предполагаются хотя бы отчасти новыми, неизвестными адресату. Между тем хорошо известно, что с Татьяной Яковлевой Маяковский встречался как раз в период завершения поэтической диалогии и лично подарил ей автографы обоих стихотворений («Писем...»). Татьяна Яковлева, таким образом, выступает здесь не столько как реальная «красавица», в которую влюбился автор, сколько как некий воображаемый поэтом «идеал» любви. «Письмо...» же становится уже не личным посланием человека Владимира Маяковского к его парижской знакомой, а своеобразной декларацией «сущности любви». Любви человека, осознающего себя представителем нового мира, нового справедливого общества, новой морали.

«Письмо Татьяне Яковлевой» построено как сплошной, непрерывный монолог лирического героя. Нередко, сравнивая это стихотворение с «Письмом товарищу Кострову из Парижа о сущности любви», называют его письмом «о сущности ревности». Но если уж использовать это определение, необходимо подчеркнуть, что это не ревность к «мужу Марьи Ивановны». Главный конфликт произведения, любовного переживания лирического героя, его «ревность» неразрывно связаны с ревностью за «красный / цвет / моих республик», «за Советскую Россию», частью которой он себя чувствует. Это ревность к тем несправедливым социальным человеческим законам, которые не дают возможности влюбленным соединиться. И вместо того, «чтоб двум влюбленным / на звезды смотреть // из ихней / беседки сиреневой» («Письмо товарищу Кострову...»), они вынуждены чувствовать себя «животными разной породы» («Стихи о разнице вкусов»). Это как раз ревность «к Копернику», к самим основам мироздания. Как и всевластная сила любви («Ураган, / огонь, / вода...») — «Письмо товарищу Кострову...»), сила ревности у Маяковского соотносится с природными, геологическими, космическими явлениями («ревность / двигает горами»). Две ипостаси лирического «я» поэта — интимно-личностная и социально-гражданственная — образуют настолько органичное единство, что поэт говорит одновременно и о своей человеческой потребности в красоте, и о потребности в ней новой России, Москвы: «Мы / теперь / к таким нежны — // ...вы и нам / в Москве нужны, // не хватает / длинноногих». Определение же красавицы как «длинноногой» вновь отсылает нас к стихотворению американского цикла «Вызов» («Мы целуем... / над Гудзоном // ваших / длинноногих жен»), к образу Элли Джонс. Лирическому герою нужна не «парижская любовь» с разукрашенной «шелками» «самочкой», а близость с человеком, способ-

---

ным «стать рядом», быть «ростом вровень» с поэтом. Такой любимой он готов обо всем «рассказать / по-человечьи». Такая любовь, в отличие от проходящей плотской «страсти кори», которая «сойдет коростой», становится «радостью неиссыхаемой», является подлинным источником творчества, позволяет поэту и в любви оставаться верным себе, своему предназначению: «буду долго, / буду просто // разговаривать стихами я». Метафора «Иди сюда, / иди на перекресток // моих больших / и неуклюжих рук» ставит перед любимой проблему выбора. Перекресток обозначает выбор и в личной жизни, и в гражданской позиции. Ибо автор выступает уже не как частное лицо, а как полпред стиха, как поэт из Советской России. В заключительной строфе формулируется перспектива позитивного разрешения любовного конфликта:

Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму —
одну
или вдвоем с Парижем.

Этот оптимизм опирается на веру в человеческий разум, в способность любимой встать «вровень» с поэтом, руководствоваться подлинными ценностями, и на уверенность поэта в возможность построения нового справедливого мира, декларирующего подлинное равенство людей, переустройство всего мироздания на принципах социальной справедливости. Эта авторская уверенность подчеркнута и ритмически: в заключительных стихах плавное хореическое «разговаривание стихами» сменяется ямбом — «действенность» поэтических строк резко возрастает.